

А. В. Успенская¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Современная историческая наука, рассматривая роль империй в судьбе человечества, подчеркивает не только их закономерный, но и прогрессивный характер. Большинство известных нам империй, несмотря на свой экспансионистский характер, несмотря на те или иные формы притеснения попавших в зависимость народов, все-таки несли им культурное развитие, цивилизационные приобретения в целом. В то же время каждая из империй прошлого, пройдя свой путь развития, оказывалась обречена на разрушение.

Для России, пережившей на протяжении XX века гибель двух вариантов имперского существования и все-таки оставшейся единой многонациональной страной, вопрос о причинах упадка империй и возможности его преодоления имеет важное значение. Учитывая литературоцентричность российской жизни, когда на протяжении трех веков своего существования словесность стремилась быть одновременно социологией и экономикой, психологией и политологией, интересно обратиться к ответам, которые пыталась дать классическая русская литература.

Большую тревогу вызывает провозглашаемая на разных уровнях необходимость поисков для России «на-

циональной идеи», понимаемой как «русская идея», что явно противоречит многонациональному характеру страны. Между тем еще на заре существования Российской Федерации находились трезвые голоса, призывающие оглянуться на опыт рухнувшей Российской империи и отказаться от такого рода национальной идеи в пользу идеи наднациональной. Ученик и сподвижник Д. С. Лихачева, замечательный филолог и историк А. М. Панченко в 2000 году говорил: «Политические взгляды можно иметь разные... а вот общего для всего народа в последнее время не было. Власть ищет национальную идею. Ну какая может быть национальная идея! Мы — страна многонациональная. Более или менее сносно жилось бы — вот и вся национальная идея»².

Национальная идея порой мыслится как некая спасительная парадигма для движения России по своему особому пути, не пересекающемуся с путями западной культуры. Неужели необходима изоляция России от мира для того, чтобы спасти ее?

Очевидно, что этот путь не подходит для страны с тысячелетней историей, с колоссальными международными связями, с величайшей культурой, пропитанной токами других культур.

А. И. Герцен, обвинявший, особенно в последние годы жизни, многонациональный, открытый миру Запад в пошлости, самодовольстве, эгоизме и других гре-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др.

² Панченко А. М. Власть, веди себя достойно! // Аргументы и факты. 2000. № 35.

хах, рисовал, тем не менее, удручающую картину закрытой для западных влияний Московской Руси: «*Это промежуточное существование — между геологией и историей. У этой формации свой особый характер, образ жизни, физиология, но нет биографии*». Между тем именно с петровских времен страна, воссозданная как империя, не без успеха попыталась объединить колоссальную многонациональную, мультикультурную территорию. Недаром Петр дал новой столице нового государства имя Петербург, то есть «Город святого Петра», имея в виду «истинный Третий Рим», «властелин народов», «столица многоликой империи».

Стоит отметить, что западные мыслители, негативно настроенные по отношению к России, даже знакомые с историей XVIII и XIX веков, принесших стране всемирную славу, отрицали высокий смысл существования Российской империи именно как наднационального проекта. Так, Освальд Шпенглер писал применительно к России об исторических «псевдоморфозах», имея в виду «случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью». «*Вслед за Московской эпохой великих боярских патриархов и родов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, с основанием Петербурга следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, затем XIX столетия. Петр сделался злым роком русскости. Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня*»¹.

Одним из первых русских мыслителей, выступивших за соединение национального русского начала с наднациональным, стал Пушкин. Размышляя об исторических судьбах России, он также видел величие страны не в национальной закрытости, отъединенности от Европы, Запада, хотя он и сказал немало горьких слов об истинном отношении Запада к нам — достаточно вспомнить стихотворения «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и др.

Понятен интерес Пушкина-государственника к истории Петра I, так мощно проявившийся в конце жизни, когда поэт работал в архивах и писал концепт истории жизни Петра. Петр — фигура колоссальная именно потому, что он творец не просто русской национальной, но наднациональной идеи — империи, образовавшейся с высокой целью вернуть Россию в Европу, от которой мы несколько столетий были оторваны в результате нашествия монголо-татар. Именно по отношению к Европе Пушкин видит всемирно-историче-

ский смысл существования России. Ее первая великая заслуга — спасение западной цивилизации: «Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся Просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Для Пушкина главное значение деятельности Петра — возвращение России в Европу, отвоевание ее законного места в мире (войны Петра за выход к морю «были благодетельны и плодотворны»). Петр не сошел с истинного пути, а, наоборот, поставил на единственно возможный путь, исключая автаркию, обещающий множество благотворных возможностей, и тем самым осуществил многовековые народные чаяния, ибо еще со времен Ивана Грозного и Бориса Годунова «в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. <...> Наконец, явился Петр».

Есть, согласно Пушкину, и другая возможность реализации наднациональной идеи — объединение народов страны перед лицом угрозы с Запада: «Или от Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, / Стальной щетиною сверкая, / Не встанет русская земля?» («Клеветникам России»).

Но все-таки главная сущность идеи, скрепляющей людей разных национальностей в единую нацию, должна лежать в сфере культуры. Это особенно явно видно не только в публицистике Пушкина, но и в стихотворении, явившемся, по сути, завещанием поэта, — в «Памятнике», написанном по мотивам двух од великого римского поэта Горация. Обычно вспоминают оду III, 30, где Гораций ставит свой поэтический дар выше пирамид и крепче меди. Но не менее важна и ода II, 20, где Гораций также пишет о бессмертии, рисуя свое посмертное преображение в лебедя. Его узнают на берегах Босфора, в Галлии, Дакии, в африканской пустыне, то есть во всех концах римской державы. Именно так происходит и в стихотворении Пушкина. «Слух обо мне пойдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгус, и друг степей калмык». Не только героическое прошлое, не только совместное сопротивление врагам, но и культура, в которой сливаются западные и многонациональные российские элементы, призвана стать наднациональной силой, скрепляющей Российское государство.

¹ См. подробнее: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. С. 194–201.